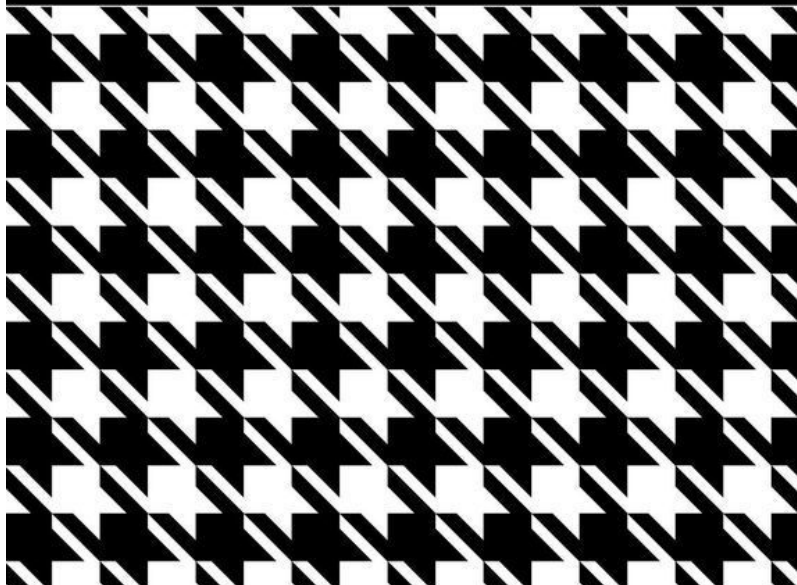

Александр Скрыпник

2213

футуро-повесть

Александр Павлович Скрыпник

2213. футуро-повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101241

ISBN 9785447415501

Аннотация

Мы может быть иными... Лучше... Намного лучше... Для этого стоит заглянуть в будущее, отдаленное будущее, где станет ясно, что нужно делать здесь и сейчас...

2213

футуро-повесть

Александр

Павлович Скрыпник

© Александр Павлович Скрыпник, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Иногда я думаю, что это был всего лишь сон – обычный, банальный сон. Сон! И только.

Но... Сон. Сны. Они... какие-то мутные, не чёткие, размытые. Они фрагментарны, непоследовательны, сумбурны. Просвира психоаналитиков. Пища для их химерной архитектуры.

А если это не сон? Что тогда? Что это было? Что же это было на самом деле?

Не знаю.

Это было попадание в иную реальность, в параллельный мир. Так, вероятно, чувствовала себя Алиса, попав в Зазеркалье.

Я был словно внутри голливудского футурологического телесериала. Сериала, потому что это повторялось, изменя-

лось, развивалось.

Впрочем, нет. Практически все голливудские фантастические блокбастеры какие-то мрачные, трагические, апокалипсические. Катастрофы – наводнения, цунами, смерчи, озоновые дыры, падающие метеориты, оледенение, взрывы атомных реакторов, смертельные вирусы, злые пришельцы, войны и всеобщий хаос – переживаются остатками человечества под предводительством героя-одиночки, чаще всего простого, обычного американского парня, и горстка «счастливо спасшихся» людей с улыбкой смотрит на голубое небо и восходящее солнце. Если бы не красота и притягательность спецэффектов, все эти фильмы своим однообразием и примитивностью сценариев находили бы только одних зрителей – слегка ограниченных умственно. Хотя, как говорится, – дело вкуса...

Нет! То, что случилось со мной, было другим. Совсем другим! Хотя это тоже – футурология....

Яркий свет пытался пробраться под мои веки. Как-то неуверенно, нервно, импульсивно. Словно озорной, шаловливый ребёнок стрелял в меня солнечными зайчиками со своего излюбленного маленького кругленького зеркальца. Я нехотя, с некоторым раздражением и определённым усилием открыл глаза. Первое, что я увидел, – колышущиеся свечи цветущего каштана. Сквозь них время от времени пробивался солнечный луч, «виновник» моего пробужде-

ния. Оказывается, я задремал на скамейке в разгар дня, в самом центре города! С чего это вдруг? И как я, собственно говоря, здесь оказался?

Чтобы ответить на этот вопрос и сбросить с себя всё ещё липнувшую к глазам дрёму, я решил немного пройтись. Я поднялся и побрёл в сторону, как был абсолютно уверен, Бессарабского рынка. Опустив голову и глядя себе под ноги, я размышлял над тем, как я оказался на Крещатике и почему ни с того ни с сего уснул среди бела дня. Странно! Я абсолютно был уверен и отлично помнил, что никакого алкоголя, никакого снотворного и вообще ничего подобного не принимал. Тогда почему я не могу вспомнить, как попал в центр города? Пройдя десяток-другой метров по алее и «купаясь» в этой необъяснимой, умиротворяющей энергии, исходившей от цветущих деревьев, я вдруг поймал себя на мысли, что не слышу привычного автомобильного гула, шуршания шин, звуков клаксонов. Значит, – сегодня выходной? Крещатик обычно перекрывали для движения транспорта на выходные, и он становился собственностью и утехой пешеходов. Может быть, прогуляться по проезжей части? А почему бы нет? Не так часто...

На ближайших ступеньках я свернул в сторону дороги, поднял глаза и... Как говорится в подобных случаях? Обомлел? Остолбенел? Впал в ступор? Короче говоря, со мной произошло нечто подобное. Проезжая часть не была перекрыта, а по ней плавно, практически бесшумно двигались...

автомобили? Я, увы, не «технар» и не заядлый автомобилист, но то, что я увидел, вряд ли можно было назвать автомобилем в привычном понимании. Это были какие-то причудливые машины. Некоторые двигались вообще без колёс, словно катера на воздушной подушке. Какая-то машина двигалась на колёсах, потом остановилась, колёса нырнули куда-то внутрь, и это творение техники стало плавно подниматься вверх и уже там, в воздухе, развернувшись влево, поплыло над домами. Домами? Следя взглядом за маневрами этого чуда техники, я только сейчас заметил, что сооружения, которые выстроились вдоль улицы, совсем не напоминали те, что я привык видеть на Крещатике. Они были разными: яркими, разноцветными, причудливой формы, непонятной, необъяснимой архитектуры. Без огромных вывесок, без рекламных плакатов, лайтбоксов... И только какие-то небольшие таблички-квадратики мигали разноцветными огоньками у каждого входа.

Я рванулся назад, к аллее. Мне почему-то казалось, что, вернувшись к скамейке, на которой я проснулся, я «вернусь» к себе, к своим мыслям, своему восприятию. Мои мысли путались. Это было какое-то дежавю наоборот! Мне казалось, что я на Крещатике, но это был не Крещатик или не совсем Крещатик. По крайней мере, не тот Крещатик, который знал я. Это было похоже на встречу с одноклассником, которого ты не видел лет тридцать. Какие-то черты вроде бы знакомы, очень знакомы, но вот так сразу и не вспомнить и не понять,

кто же перед тобой? И только сейчас я обратил внимание на людей, прогуливающих по алее, сидящих на скамейках, стоящих – по одному и небольшими группами. Все они были как-то странно одеты. Я оглядывал их как экспонаты в музее. Медленно, по сантиметру, снизу вверх и наоборот. У каждого на руке (у кого-то на левой, но у большинства – на правой) было что-то похожее на украшение – широкий браслет с мерцающими цветными огоньками. Браслеты были все разными, разного цвета и формы. Но все приблизительно одинаковой ширины – сантиметров семь-восемь. Огоньками на них светились кружочки, треугольнички, квадратики, чёрточки, эллипсы, какие-то точки. Я уже забыл о скамейке и просто брёл по алее, беззастенчиво разглядывая прохожих. Что-то ещё... Что-то ещё, кроме их одежды и этих странных браслетов, с ними было не так. Что-то почти неуловимое... И вдруг меня осенило: они все как один... улыбались! Все!

Я двигался по алее, глядя по сторонам, с одной лишь мыслью и жгучим желанием понять, где я. Где я, куда попал?

От неожиданного удара я чуть не грохнулся наземь. Поглощённый поиском ответа на свой вопрос – согласитесь, он покруче будет гамлетовского «Быть или не быть?» – я, оказываясь, столкнулся с проходившим мимо человеком. Это был мужчина лет тридцати – тридцати пяти.

– Простите великодушно! – дружелюбно, с улыбкой, проговорил он. – Я загляделся. Не заметил Вас! Ради Бога, извините! (Я далеко не сразу понял, что сделал ещё одно откры-

тие, но сначала не обратил на это внимания: его речь была мне совершенно понятна и ничем не удивляла, как, например, вся остальная фантастичность обстановки.)

– Не стоит извинений! – я попытался немного остудить его «извинительный» пыл. – Я сам виноват! Вертел головой туда-сюда!

– Вы приезжий? Я смотрю, Вам нравится стиль «ретро»? – начал засыпать меня вопросами незнакомец.

– Приезжий? – переспросил я. – Вероятно... Не знаю... «Ретро»? Что Вы имеете в виду?

– Я имею в виду стиль Вашей одежды. Простите, не представился: Макс! Максим!

– Алекс! Александр! – вырвалась у меня машинально.

– Очень приятно! – улыбаясь, как зритель из VIP-ложи на бенефисе Юрия Гальцева (ничего не понятно, но... положено!), Макс подал мне руку. – Так откуда Вы приехали?

– Я... я... из Киева...

Глаза Макса слегка округлились,

– Но... Но, это и есть Киев! – его замешательство как-то сразу передалось мне. И вдруг какая-то смутная догадка мелькнула в моём сознании.

– Максим... Макс... Скажите, а какой сейчас год?

– Год? – переспросил Макс. И тут его взгляд упёрся в мои руки. Он внимательно, как я на аллее прохожих, осматривал их, словно это были не обычные руки, а какие-то клешни, щупальца, конечности неизвестного, неопознанного со-

здания.

– Год? Год? Алекс... Алекс, а где Ваш клоккер?

– Что?

– Ну... клоккер, – Макс поднял правую руку и продемонстрировал мне бирюзовый, с металлическим оттенком, браслет, переливающийся разноцветными огоньками. – Такой... Подобный... А где Ваш?

– Погодите! Какой «клоккер»? Год сейчас какой? Тринадцатый?

– Ну, да, – тринадцатый! А что? – круглые глаза Максима напоминали рубли советской чеканки.

– Правильно! Тринадцатый! Но... Я не понимаю,... Что здесь происходит? И... где я? Это всё... очень похоже... очень похоже на Крещатик... Но...

– Погодите, Алекс! Погодите! Это и есть Крещатик! Что именно... Что именно Вас смущает? – всем своим видом Максим выражал сочувствие и желание помочь мне.

– Просто... Просто – что-то не так... Господи! Да почти всё не так! Смотрите: сейчас две тысячи тринадцатый год, это Киев, Крещатик, но я практически ничего здесь не узнаю и... Я не могу понять, где я?

– Успокойтесь, Алекс! Прошу Вас, успокойтесь! Одну минутку! Вы сказали, что сейчас две тысячи тринадцатый год? – Максим, улыбаясь, поглаживал рукой моё предплечье.

– Ну, да! Вы ведь сами мне сказали, что сейчас тринадцатый год!

– Конечно! Правильно! Сказал. Действительно – тринадцатый. Но... Алекс, сейчас две тысячи двести тринадцатый год.

– Что-о-о-о? – протянул я. Теперь настала очередь моим глазам вылезти из орбит. От удивления и неожиданности я впал в какую-то прострацию, ловя воздух ртом, как выброшенная на сушу рыба.

– Это невероятно! – вполне искренне восторгался Макс, – Вы из две тысячи тринадцатого? Теперь понятно, почему у Вас нет клоккера. Какая удача, Алекс! Моё хобби... Я изучаю возникновение и развитие МИСы... Её первые шаги... Это как раз ваша эпоха! Мне повезло! Ведь сможете мне рассказать о её становлении?

– Простите, Максим, но... – запинаясь, пробормотал я, силясь вырваться из состояния шока и прострации. – А что такое – «миса»? У нас нет... Я не знаю никакой «мисы»...

– МИСа? Это мировая информационная система. В Ваше время она называлась, если я не ошибаюсь, «Интернет». Сейчас она, кроме того что глобальна, гораздо более многофункциональна. Поэтому её уже давно называют МИСой. Алекс, если Вы не возражаете, мы можем зайти ко мне домой. Я живу здесь недалеко. Вам не мешало бы немного отдохнуть, перекусить. А потом мы могли бы поговорить, – радушие Максима было очень кстати. Я, действительно, слегка проголодался, а где и как здесь можно было бы поесть, совершенно не понятно.

– Спасибо, Макс, Вы гостеприимный человек! Но... Я, собственно, мало чем могу быть Вам полезен. Я очень мало знаю об Интернете... Только пользователь... И, к тому же, не ахти какой...

– Ничего страшного, Алекс! Не в этом дело! Вам необходимо подкрепиться, расслабиться немного... Пойдёмте, пойдёмте! – Макс взял мене за руку и потянул в сторону, – как я бы сказал до нашей с ним встречи, – Майдана...

Я не смог сориентироваться в том, как, какими улицами мы двигались. К тому же, я всё время вертел головой на триста шестьдесят градусов, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что сегодня майский день две тысячи двести тринадцатого года. Увы, привыкнуть к этой мысли пока не получалось.

Мы остановились перед каким-то сооружением (зданием?) странноватой формы. Макс нажал кнопку на своём браслете, и дверь парадного отворилась. Поднявшись на второй этаж, мы остановились перед дверью, роспись которой напоминала «Гернику» Пикассо.

– Я дома! – заявил Макс своей собственной двери, и она отворилась под музыку, напоминающую аккорды французского «Канкана».

Квартира Максима поначалу вызвала во мне не меньшее удивление, чем всё увиденное на алее. Небольшой коридор переходил в просторную, но почти пустую комнату.

– Проходите, Алекс! Проходите! Располагайтесь! – роль радушного и приветливого хозяина очень шла Максиму, но...

«Располагайтесь?» – это в каком смысле? Что он имел в виду, говоря это?

Макс, обойдя меня слева, зашёл в своё пустое жилище и произнёс:

– Уголок отдыха на двоих!

Послышался звук, напоминающий журчание весенней капели, и в комнате, недалеко от окна, каким-то чудом возникшего на казавшейся абсолютно глухой стене, возник элегантный журнальный столик и два кресла – в моё время я назвал бы их шедевром авангардного искусства.

– Присаживайтесь, Алекс! Нам обоим совсем не помешает что-нибудь перекусить. – Максим отошёл в противоположный угол комнаты и, глядя в этот самый угол, протараторил: – Обед номер четыре на двоих!

В углу зашипело, забулькало, послышался какой-то свист, и один за другим из открывшегося справа от угла окошка выплыло два овальных серебристых подноса. Макс подхватил их, как заправский официант, элегантно поместил на журнальный столик и, словно фокусник в цирке, положил рядом с ними неизвестно откуда взявшиеся столовые приборы.

– Кофе будете, Алекс? Вы какой предпочитаете?

– Э-э-э-спр-ресс-со, – заикаясь, как студент-двоечник на экзамене, я едва смог выдавить из себя несколько звуков. Макс сделал несколько шагов к заветному углу и объявил,

– Два эспрессо! Сахар отдельно! Через семь минут! – после чего тихо приземлился в кресло напротив меня.

– Угощайтесь, Алекс! Приятного аппетита! – Максим на пару сантиметров подвинул ко мне поднос. На подносе красовались тарелочки с каким-то лиловым оттенком.

– Здесь овощной суп с грибами, паэлья с мясом перепёлки, салат «Версаль» и мультивитаминный сок... Надеюсь, Вам понравится?

Я не заставил долго уговаривать себя. Голод давал о себе знать. Несколько минут мы молча поглощали шедевры кулинарного искусства неизвестного шеф-повара. Слегка подкрепившись, я почувствовал, как во мне нарастает неловкость.

– Максим, Вы меня простите, но я, в самом деле, вряд ли смогу быть Вам полезен. Я очень мало знаю об Интернете, об истории его появления... К тому же, я всё ещё не могу отойти от некоторого шока... Не знаю... Не понимаю... Как я вообще здесь оказался?

– Увы, Алекс, на этот вопрос я не смогу Вам ответить. Простите, одну минуту! – Максим вскочил с кресла, услышав какую-то трель, – Это кофе! Сколько Вам ложечек сахара?

– Две! Спасибо! – утолив голод, я почувствовал, как нарастает моё любопытство. Мне нестерпимо захотелось, чтобы Макс также утолил и его.

Максим поставил на столик чашечку с кофе, сел в кресло напротив меня и, мило улыбаясь, сказал:

– Не волнуйтесь так, Алекс! По специальности я работо-

техник, а история становления и развития МИСы – это так... Хобби. Я достаточно долго изучал...

– Макс, простите мне моё любопытство, но могу ли я Вас спросить? – перебил я хозяина на полуслове.

– Да, да! Конечно! Я понимаю...

– Знаете, до того момента, когда мы с Вами столкнулись на... на... – я пытался подобрать слово, характеризующее место нашего с Максимом столкновения.

– На Крещатике! – подсказал мне Макс.

– Ну, да... На... Крещатике... Так вот, до этого момента мне бросилась в глаза одна деталь... Я заметил, что все прохожие улыбались... Понимаете? Все!

– Да? Ну, и? Простите, Алекс, мне не совсем понятно, – в чём суть Вашего вопроса? – лицо Макса выражало искреннее удивление. – Разве в Ваше время было иначе?

– В том-то и дело! – я даже слегка подпрыгнул в кресле. – В противном случае, это и не привлекло б моего внимания.

– Даже не знаю... Но ведь это... Но ведь это – естественно! Улыбаться... – Максим явно был несколько растерян. – Жизнь – ведь это радость! Хотя... Вероятно... В Ваше время считали по-другому? Ну, да... Если учесть, что начало становления человеческой цивилизации относится, если мне не изменяет память, к концу Вашего двадцать первого века, то у Вас... это, вероятно, может вызывать некоторое удивление...

Я вдруг почувствовал собственную глупость: удивля-

уюсь простым, очевидным вещам! Чтобы как-то избавиться от этого ощущения, я решил слегка блеснуть эрудицией и резво перебил рассуждения Максима.

– Минутку, Макс! Одну минутку! Вы уверены в этом? Человеческая цивилизация насчитывает десятки тысяч лет! – Я, каюсь, радовался тому, что смог наконец-то поймать Макса на явной ошибке

– Нет, нет! – Максим был абсолютно спокоен, никакого смущения, никаких сомнений. – То, что ошибочно называли человеческой цивилизацией, были всего лишь отдельные очаги культуры. Была древнегреческая, древнекитайская, древнеиндийская, древнеримская культуры. Это в глубокой древности. Затем существовали очаги культуры в средние века, в эпоху Возрождения, в Новое время. Совсем ещё недавно существовала отдельная американская культура, китайская, российская, европейская и так далее. Но цивилизация... Единая человеческая цивилизация возникла относительно недавно. Кстати, именно в середине Вашего века и было положено начало её становлению. Если мне не изменяет память, в две тысячи сорок восьмом году состоялся Первый Всемирный Конгресс Светских и Религиозных Лидеров Всех Стран. Именно на нём была принята резолюция, в которой объявлялась высшей ценностью жизнь отдельно взятого человека, а насилие провозглашалось недопустимым событием и смертным грехом номер один...

– Красивый лозунг! – невольно вырвалось у меня.

– Вы правы, Алекс! Правы! Но только... Возможно, это так и осталось бы лозунгом, если бы Конгресс не обязал ведущих специалистов всех стран провести тщательный анализ истоков человеческого насилия. Психологических, социальных, экономических... И, кроме того, была поставлена задача: определить реально действующие способы искоренения насилия как такового.

– Неразрешимая задача! Слабо верится в то, что это возможно, – мой скепсис имел под собой все основания.

– Да, проблема, действительно, оказалась далеко не простой! Но, как оказалось, вполне разрешимой. Лет тридцать весь научный мир искал пути её решения. После долгих дискуссий, обсуждений были выделены главные проблемные зоны, которые отнесли к источникам, порождающим насилие. В психологическом плане – это семья. В социологическом – явная и скрытая пропаганда насилия. В экономическом – деньги и совокупность благ, которые можно на них приобрести.

– Ха! – я не смог удержаться от иронии. – И что? Ликвидировать семью? Запретить пропаганду? Отменить деньги? И насилие, что, – исчезнет? Кстати, Максим, а почему Вы ничего не сказали о биологических корнях насилия? Ведь есть «животные инстинкты»...

– Ликвидировать? Запретить? Отменить? Не всё было так просто, Алекс! Далеко не так просто! А по поводу биологических истоков насилия с середины и почти до конца Вашего

века шли очень бурные дискуссии среди корифеев мировой науки. В конце концов, все учёные сошлись во мнении, что насилие – явление, присущее исключительно человеческому виду и никакого отношения к животному миру оно не имеет. Так что биологические источники, всякие там выдуманные «инстинкты», были, в конце концов, отброшены мировой наукой.

– Погодите, Макс! А хищники? Лев поедает антилопу – он, что, не проявляет насилия?

– Алекс, если Вы пожелаете, я могу Вам показать стенограммы всех проводившихся дискуссий и по этой проблеме! Думаю, на ознакомление у вас уйдёт месяца два-три. Коротко, вывод был таков: это не насилие. Учёные определили это как «витальность». Лев ведь не способен питаться растительной пищей и не обладает сознанием, чтобы изменить свой рацион. К тому же, львы не убивают себе подобных, за исключением тех случаев, когда лев-«отец» может сожрать своё потомство, если львица вдруг просмотрит. Убивать собратьев – по разным мотивам – была, увы, исключительно черта человека. Так что никаких биологических основ насилия у человека не существовало.

– Добро! Пусть так! Ещё, Вы говорите, – семья, пропаганда, деньги? Это, по-Вашему, источники насилия? Тогда, если не ликвидировать, не запретить-отменить, то как же можно избавиться от насилия? – из-за недостаточного понимания того, о чём говорил Максим, я начинал испытывать рас-

тущее раздражение.

– В том-то и проблема, Алекс! – Макс задумался и после небольшой паузы продолжил. – Видимо, именно потому дискуссии длились так долго, что, по сути дела, ни семья, ни пропаганда, ни деньги сами по себе источниками насилия не являются.

– Макс, простите, но Вы меня совсем запутали! – абсолютно не скрывая своего раздражения, вспылил я. – Я чётко запомнил Ваши слова: «В психологическом плане – это семья. В социологическом – явная и скрытая пропаганда насилия. В экономическом – деньги и совокупность благ, которые можно на них приобрести». А теперь Вы говорите совсем противоположное?

– Не совсем так, Алекс! Всё, что я сказал, – правильно! Но... Есть определённый нюанс... Я Вам, если хотите, постараюсь объяснить.

– Конечно, хочу, Макс! – я от нетерпения заёрзал в кресле. – По-моему, Вы сами себе противоречите и при этом, что странно, убеждены в своей правоте. Или не убеждены?

– Убеждён, Алекс! Убеждён! Потому что это – наша жизнь! Наша цивилизация! Давайте, для начала, начнём с денег... Вы не возражаете?

– Будьте так любезны! – моё раздражение заставило меня съязвить Максиму и тут же я начал испытывать что-то наподобие стыда за свои слова.

– Так вот... – Макс, казалось, и не заметил неприязнен-

ного тона моего голоса, – Вы, я думаю, лучше меня знаете в том, что большинство преступлений в Вашу и предшествующие эпохи совершалось из-за денег или тех благ, которые можно было трансформировать в деньги. Но! В ходе тщательнейшего анализа, продолжительных дискуссий был, если можно так сказать, открыт один важный момент. Не деньги сами по себе являлись причиной преступления, а то, чем они, так сказать, были окружены.

– Что Вы имеете в виду? Что значит «деньги окружены»? – я вдруг осознал, что во мне нарастает искреннее желание во всём глубоко, детально разобраться, понять, осмыслить.

– Деньги, в целом, играют в обществе колоссальную роль. Они способствуют товарообороту, служат мерилom затрат человеческого труда на изготовление того или иного продукта, дают человеку возможность приобретать различные необходимые для жизни блага. Без денег вряд ли само цивилизованное общество сможет существовать. Но... Именно для того, чтобы получить как можно больше денег, один человек шёл на убийство другого, совершалось насилие. На первый взгляд, деньги и благо, и зло одновременно. Такой вот парадокс! Но... только на первый взгляд. Как выяснили в ходе своих изысканий наши учёные, зло не в деньгах как таковых, а в тайне...

– В какой тайне? – не удержался я от возгласа и тут же почувствовал неловкость. – Простите, Макс! Продолжайте, пожалуйста! Продолжайте!

– В тайне их происхождения и использования! Именно это открытие учёных в конце Вашего века – кажется, в две тысячи девяносто четвёртом году – легло в основу резолюции Организации Объединённых Наций об отмене банковской тайны. Её запретили во всех странах. Банкиры какое-то время возмущались, некоторые банки даже закрылись. И, конечно, вначале было очень сильное сопротивление со стороны тех, кто, так сказать, зарабатывал не совсем честным путём. Но это не помешало. Так было положено начало становлению человеческой цивилизации.

– Минуту, Максим! Одну минуту! Что означает «отмена банковской тайны»? Это что, – кто угодно может иметь доступ к Вашему банковскому счёту?

– Да! Вернее, кто угодно может иметь доступ к информации о моём банковском счёте, но распоряжаюсь им только я.

– Но... Максим, если, например... Ну, так, теоретически... Я знаю, сколько у Вас на счету денег и... Ну, вот... Захотел их, допустим, украсть... Что тогда?

– Украсть? Извините, Алекс, а что означает «украсть»? Погодите, я, кажется, догадываюсь... Сейчас... Давайте сделаем паузу на две-три минуты. Я заметил, что Вы используете слова, которые мне не очень понятны. Ничего, если я возьму «исторический толковый словарь»? Я надеюсь, так нам будет легче понимать друг друга. – Максим встал, отошёл в угол комнаты и произнёс: – «Исторический словарь». Раздался лёгкий щелчок. Из стены выкатилась полочка, на кото-

рой лежала книга. Макс взял книгу. Сел. Полистал несколько минут.

– Да-да! Так я и думал! Дело в том, Алекс, – развернувшись в мою сторону, Максим продолжил разговор, – «украсть», как Вы говорите, не получится по двум причинам. Во-первых, это просто никому не может прийти в голову. Во-вторых, это просто невозможно по техническим причинам.

– «Не придёт в голову»? Почему? – любопытство распырило меня и, казалось, уже просто сочилось из всех возможных пор.

– Ну, то, что это никому не может прийти в голову, связано, наверно, с нашей системой воспитания. А второе... Я думаю, мне кое-что следует Вам объяснить. Когда был вскрыт истинный источник возникновения насилия в орбите такого инструмента, как деньги, и была отменена банковская тайна, следующими шагами были ликвидация бумажных денег и введение единой мировой денежной единицы. Другими словами, на планете Земля сегодня существует только одна для всех стран денежная единица. Называется она – «Юнит». Как Вы, наверно, уже догадались, – это электронная денежная единица. Мои денежные доходы аккумулируются на моём банковском счёте в юнитах. А распоряжаюсь я своим счётом при помощи вот этого, – Макс поднял левую руку и продемонстрировал мне свой браслет. – Это клоккер. Подобные клоккеры есть у всех людей на планете. Именно поэто-

му я и был удивлён сегодня, когда не увидел клоккера у Вас,
Алекс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.